
Литература

1. Какую роль играет массовая коммуникация в политическом процессе? Россия в зеркале политологии // Библиотека «Полка букиниста» [Электронный ресурс]. — 2013. — Режим доступа: http://society.polbu.ru/russia_politmiror/ch91_ii.html/
2. *Осетрова, Е.В.* Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Е.В. Осетрова // Антропологический форум [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf>
3. *Осетрова, Е.В.* Слухи в печатных СМИ: содержательное использование / Е.В. Осетрова // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. ст. Междунар. науч. конф., Красноярск, 21–23 сент. 2005 г. / Красноярск. гос. ун-т. — Красноярск, 2005. — С. 57–59.
4. Сведения Министерства информации Республики Беларусь о средствах массовой информации, информационных агентствах, зарегистрированных в Государственном реестре средств массовой информации по состоянию на 1 декабря 2011 г. // М-во информации Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.mininform.gov.by/smi>
5. *Tsarou, A.* The social functions of rumors / A. Tsarou // Nauka i studia. — 2012. — № 3(48). — P. 17–23.
6. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 2000.
7. *Куликов, Е.М.* Перегрузка информационных систем и функционирование слухов в информационном обществе / Е.М. Куликов // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. — 2010. — № 3. — С. 23–24.
8. *Евгеньева, Т.В.* Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. Спецкурс по политической психологии / Т.В. Евгеньева. — СПб.: Питер, 2007.
9. *Куликов, Е.М.* Слухи в современном обществе: особенности влияния прогресса коммуникативных технологий на повседневное общение людей / Е.М. Куликов // Общество: философия, история, культура [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://domhors.ru/issue/fik/1-2011-1-2/kulikov.pdf>
10. *Хованская, М.* Превратности кулуарной жизни / М. Хованская // Кадровый менеджмент. — 2005. — № 7. — С. 34–38.

Статья поступила в редакцию 10.01.2014 г.

Д.Н. Черкасов
кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛО-БУРГУНДСКОГО СОЮЗА В 1419–1420 ГГ.

В статье рассматриваются предпосылки, причины и процесс становления англо-бургундского союза на последнем этапе Столетней войны 1337–1453 гг. Результатом этого стала длительная оккупация Англией значительной части Франции, попытка создания двуединой англо-французской монархии, начало политики Филиппа Доброго по формированию независимого от Франции Бургундского государства.

The article considers the background, causes, and the process of becoming the Anglo-Burgundian alliance in the last phase of the Hundred Years War, 1337–1453 gg. The result of this union was the long occupation of considerable part of France by England, the attempt to create the Anglo-French dual monarchy, the beginning of the Philip the Good policy on the formation of Burgundy state independent from France.

Статья посвящена одному из эпизодов Столетней войны 1337–1453 гг., втянувшей в свою орбиту, помимо Англии и Франции, Шотландию, страны Пиренейского полуострова, исторические Нидерланды, ряд княжеств Священной Римской империи, а также фактически независимые владения герцогов Бургундских на франко-германском пограничье.

Тема Столетней войны сохраняет свою актуальность в современной медиевистике в силу ее масштабности и влияния на последующие периоды западноевропейской истории. Становление англо-бургундского союза на последнем этапе Столетней войны, поставившего французское королевство на грань военно-политической катастрофы, является одним из ключевых эпизодов на завершающем этапе этого длительного конфликта.

Исследование данной темы нашло отражение в ряде работ таких историков-медиевистов XIX–XXI вв., как П. Барант, Н.И. Басовская, П. Бонанфан, Р. Воган, В. Паравичини, Б. Шнерб и ряда других.

Начало XV в. характеризовалось длительным затишьем в англо-французском противостоянии периода Столетней войны. Однако с 1405 г. Франция постепенно втягивается в междоусобный конфликт, вызванный соперничеством и борьбой за власть между герцогами Бургундскими и Орлеанскими. Герцоги Бургундские — Филипп II Смелый (1364–1404) и Жан Бесстрашный (1404–1419), входили в наиболее узкий круг французской знати, причастной к управлению государством [15]. Герцог Орлеанский — Людовик, был родным братом короля Франции Карла VI. Эта война, втянувшая большую часть французской знати, получила название войны бургиньонов и арманьяков (1405–1435 гг.) [20, р. 579–605].

Психически больной король Карл VI (по одной из версий, он страдал темпоральной эпилепсией [6, с. 123–134], по другой — шизофренией [4, с. 120–144]) фактически утратил рычаги управления государством. Реальная власть находилась попеременно то в руках брата короля — Людовика Орлеанского, то в руках герцога Бургундского. Королева Изабелла Баварская, первоначально поддерживавшая арманьяков, с 1416 г. выступила на стороне бургундской партии. В 1407 г. по приказу герцога Бургундского Людовика Орлеанский был убит на одной из парижских улиц, в результате чего война приняла жестокий и непримиримый характер [5, с. 362–363].

Воспользовавшись внутренней смутой, в 1415 г. во Франции высадились английская армия во главе с королем Генрихом V. Герцог Бургундский и его сторонники, отстраненные в этот период от власти, заняли выгодную для англичан выжидательную позицию. В решающем сражении при Азинкуре, состоявшемся 25 октября 1415 г., французская армия была разгромлена англичанами, погибли или были захвачены в плен многие из арманьяков, в том числе их вождь — Карл Орлеанский [10, с. 134–156].

Воспользовавшись ослаблением соперника, в 1418 г. бургундская партия заняла Париж, устроив там резню арманьяков, и стала править страной от имени Карла VI. Французский дофин Карл бежал в центральные провинции страны. Он организовал парламент в Бурже и счетную палату в Пуатье, что означало разделение Франции на две части.

В январе 1419 г. пал Руан, открыв англичанам путь на Париж. Однако силы англичан были истощены, и Генрих V попытался договориться с бургундской партией. В апреле 1419 г. в Манте и Понтуазе, а затем в июне в Мелене шли англо-бургундские переговоры. Генрих V требовал для себя полностью суверенные Нормандию и Аквитанию, а также руку принцессы

Екатерины. Требования были непомерными. Тогда герцог Бургундский пошел на переговоры с дофином. Первая встреча произошла 11 июля 1419 г. в Понсо возле Мелена и закончилась перемирием. Стороны договорились заключить между собой «добрый союз», решать важнейшие дела королевства с общего согласия, не заключать договоров с врагами Франции [14, р. 455].

Заключив договор против англичан, ни дофин, ни герцог Бургундский не предприняли каких-либо решительных действий для совместного отпора врагу, который продолжал продвижение вглубь страны и приближался к Парижу. Ни одна, ни другая сторона не доверяли друг другу в полной мере.

Новая встреча состоялась 10 сентября 1419 г. возле города Монтеро-на-Йоне. Во время встречи, которая проходила на мосту, герцог Бургундский был убит одним из приближенных дофина — Танги дю Шателем, сторонником арманьяков [18, р. 311–312; 19, р. 136–146]. Последствия этого убийства оказались роковыми для Франции. Наиболее образно их охарактеризовал король Франции Франциск I. Спустя столетие после 1419 г., посетив в Дижоне гробницу Жана Бесстрашного, он сказал: «вот та широкая рана, через которую англичане вошли во Францию» [16, р. 455].

Мотивов убийства Жана Бесстрашного можно выделить несколько.

Во-первых, это, несомненно, был акт мести за убийство Людовика Орлеанского, совершенное по приказу Жана Бесстрашного в 1407 г., и резню арманьяков 1418 г., устроенную бургундцами в Париже. Окружение дофина состояло в основном из арманьяков, а убийца, Танги дю Шатель, был одним из их лидеров. Кроме того, сам дофин вынужден был в 1418 г. бежать из захваченного бургиньонами Парижа. Воспоминания об этом могли склонить его к расправе с соперником.

Во-вторых, убийство Жана Бургундского могло быть продиктовано желанием обезглавить партию бургиньонов и, воспользовавшись паникой в их лагере, отвоевать утерянные дофином и арманьяками позиции, в том числе и Париж.

В-третьих, дофина и арманьяков могло раздражать бездействие герцога Бургундского и подозрение в сговоре с англичанами. Дофин и его правительство в письмах, разосланных 11 сентября по городам Франции, оправдывали убийство тем, что герцог Бургундский, как выяснилось в результате переговоров, «не собирался воевать с англичанами, наговорил ему (дофину) много резких и безумных слов и схватился за меч, чтобы причинить вред дофину» [14, р. 465–466].

После убийства Жана Бесстрашного наследником бургундских владений стал его сын Филипп. Он узнал о смерти отца, находясь в Генте, и «был сильно разгневан убийством своего отца и изменой» [18, р. 313].

Первой важной задачей внешней политики Филиппа III Доброго стал поиск возможных союзников Бургундии как во Франции, так и за ее пределами. Бургундская партия искала поддержку и одобрение своих действий у населения в первую очередь у городов северо-восточной Франции, куда были разосланы письма с обвинениями в адрес дофина. На совет к герцогу Бургундскому в Лилль прибыл первый президент Парижского Парламента Филипп де Морвилье и многочисленные нотабли, представлявшие Париж и другие города Франции [14, р. 468–469]. В октябре 1419 г. в Аррас стали стягиваться вассалы герцога Бургундского.

Таким образом, герцог Бургундский опирался на поддержку не только собственных подданных, но и ряда французских городов. Поэтому нельзя согласиться с однозначным утверждением А.Д. Люблинской о том, что «для населения Франции, сперва на севере, а потом и повсюду, бургундцы стали такими же врагами, как и англичане» [8, с. 138].

Если говорить о реакции населения на действия герцога Бургундского, то, в силу еще слабого национального самосознания, она была различной и часто зависела от позиции кру-

ных феодалов — сеньоров той или иной территории. Так, в Пикардии, Иль-де-Франсе, Шампани герцог Бургундский пользовался поддержкой части населения. Однако в Нормандии образ бургундца-врага укоренился достаточно глубоко, и в конце правления Карла VII выражение «бургундский изменник» воспринималось как смертельное оскорбление [22, р. 297].

Провинции и города Франции, как и французская знать, разделились на сторонников дофина и сторонников герцога Бургундского. Сама А.Д. Люблинская замечает: «Длительная междоусобица разделила на враждующие лагеря не только вельмож и дворян, но и горожан, зачастую в пределах одного города» [7, с. 180–192].

С 26 октября 1419 г. в Манте начались англо-бургундские переговоры о союзе и совместной борьбе против дофина и арманьяков. У герцога и части франко-бургундской знати существовали опасения, что после заключения союза с англичанами ими будут утеряны многие рычаги управления государством. Но ненависть к арманьякам оказалась сильнее опасений. Генрих V назвал Филиппу III Доброму свои условия: рука принцессы Екатерины, признание его наследником Карла VI и регентом королевства. Филипп Бургундский после коронации Генриха V должен был признать себя его вассалом. На раздумье был дан срок до 11 ноября 1419 г. [10, с. 248].

Выбор был сделан в пользу союза с Англией. 2 декабря в Аррасе был заключен предварительный договор о союзе между Генрихом V и Филиппом Бургундским, 25 декабря в Руане был заключен договор против дофина [17, р. 101]. В это же время шла подготовка основного договора между Англией и Францией.

Этот договор был подписан 21 мая 1420 г. в Труа [9, с. 74]. Договор состоит из преамбулы и 31 статьи. Суть договора в следующем: 1) заключался брачный союз Генриха V и принцессы Екатерины; 2) Генрих V признавался наследником Карла VI и регентом Франции; 3) дофин Карл объявлялся незаконнорожденным и лишался прав на трон; 4) города и местности Франции сохраняли свои привилегии и вольности; 5) объявлялось о прекращении войны между Англией и Францией и установлении мира и согласия [17, р. 100–115].

Сторонникам бургундской партии (ст. 19) компенсировались все потери в Нормандии и других землях Франции, понесенные после завоевания их англичанами [17, р. 109]. Договор был заключен от имени короля Франции, но нет сомнений, что Карл VI был не более чем марионеткой в руках герцога Бургундского и королевы Изабеллы.

Можно выделить следующие основные причины, повлиявшие на заключение союза между Бургундией и Англией.

Во-первых, это тесные экономические отношения между Фландрией и Англией. Фландрия, крупнейший текстильный регион Европы, нуждалась в поставках английской шерсти и рынках сбыта для своих товаров. В XIV в. экономические интересы Англии и Фландрии привели к оформлению их политического союза. И даже когда во второй половине XIV в. графы Фландрские стали союзниками Франции, их подданные придерживались совершенно иной политической ориентации [2, с. 17]. В 1382 г. герцогу Бургундскому пришлось подавить крупнейшее выступление фландрских коммун под предводительством Артевельде. В дальнейшем герцоги Бургундские предпочитали считаться с интересами своих подданных [23].

Во-вторых, важной причиной англо-бургундского союза стала война бургиньонов и арманьяков во Франции. Совмещение внутреннего конфликта во Франции и продолжающейся Столетней войны заставило арманьяков и бургиньонов искать союзников в стане врага. Сначала арманьяки в 1412 г. подписали договор с англичанами и обещали передать им значительную часть Гиэни [15, с. 18]. После взятия Парижа арманьяками в 1413 г., в 1416 г. договор с Англией заключила бургундская сторона, он существовал до 1418 г., пока бургиньоны не заняли Париж.

В-третьих, мотив мести арманьякам и дофину за убийство Жана Бесстрашного. Большинство хроник того времени красноречиво свидетельствуют, что именно желание Филиппа Бургундского отомстить за убийство отца стало основной причиной англо-бургундского союза. Такую же точку зрения высказал Й. Хейзинга: «Все же надо — в большей степени, чем это, как правило, имеет место, когда прослеживаются экономические и политические причины общего характера, — постоянно сознавать, что для современников, как непосредственных свидетелей, так и прямых участников этой великой ссоры, кровавая месть была сознательным мотивом, господствовавшим в деяниях государей и в событиях, в которые были вовлечены эти страны» [12, с. 20].

Таким образом, в основу англо-бургундского союза лег комплекс как объективных, так и субъективных причин.

Договор в Труа является одной из важнейших вех в истории Столетней войны в целом и англо-франко-бургундских отношений — в частности. В связи с этим возникает вопрос об оценке этого договора, прежде всего по отношению к бургундской партии. Так, А.Д. Люблинская высказала мнение о предательстве и государственной измене герцога Бургундского: «Союз герцога Бургундского с врагами Франции был настоящей изменой не только по нормам феодального права, но и, что гораздо важнее, в народном мнении» [7, с. 180–192].

Думается, что такая оценка не в полной мере соответствует действительности. Что касается народного мнения, то, как было отмечено выше, в силу различных обстоятельств, оно не было однозначным. Для феодального же права определяющими являются отношения между сеньором и вассалом. Филипп III Добрый являлся вассалом короля Франции как герцог Бургундии, граф Фландрии, Артуа и некоторых других сеньорий. Обвиняя герцога Бургундского в измене, обычно ему вменяют в вину признание прав на французский трон за Генрихом V и Генрихом VI и переход на их сторону. Нарушил ли герцог Бургундский вассальные обязанности по отношению к своему сеньору — королю? А только в этом случае феодальное право квалифицирует действия вассала как измену. Нет, ведь сам король признал своим наследником не дофина, объявленного незаконнорожденным, а английского короля. Дофин терял право на трон также и как соучастник убийства Жана Бесстрашного. Это подтвердил Парижский Парламент 24 мая 1420 г., подписав договор в Труа, в котором дофин обвинялся в убийстве [13, с. 136]. Если говорить об измене герцога Бургундского национальным интересам, то следует отметить, что процесс образования единой французской нации был еще далек от завершения [3, с. 47–66], и было бы большой ошибкой проецировать современное представление о нации и национальных интересах на ситуацию XV века.

Труасский договор окончательно размежевал бургиньонов и арманьяков по вопросу о войне с Англией. Теперь дофин и его сторонники могли добиться власти только при условии победы над Англией и в силу этого в глазах значительной части населения они становились единственными защитниками Франции [1, с. 110]. Для регионов Франции, оккупированных англичанами, где доминировали сторонники дофина, война начинает приобретать черты народно-освободительной. В войну включаются не только войска правительства и знати, но и отряды крестьян и горожан. Не следует, однако, переоценивать влияние этих отрядов на ход войны даже в период наивысшего развития народного движения [11, с. 124].

Таким образом, итогом труасского договора стало возникновение и существование на протяжении 1420–40-х гг. трех Франций: ланкастерской Франции, включавшей Нормандию, ряд центральных областей Франции и Гиень; Франции бургундской, куда входили собственно Бургундия, Невер, Пикардия и ряд прилегающих территорий и Франции дофина, куда входили в основном земли южнее Луары [21, р. 120].

В период 1419–1420 гг. Филипп III Добрый отошел от политики лавирования между арманьяками и Англией и сделал выбор в пользу союза с последней, рассчитывая: 1) отомстить за смерть отца; 2) решить в свою пользу войну с арманьяками; 3) расширить бургундские владения во Франции за счет королевских земель; 4) превратить свои владения во Франции в независимые от королевской власти.

Литература

1. *Басовская, Н.И.* Столетняя война 1337–1453 гг. / Н.И. Басовская. — М.: Высш. шк., 1985.
2. *Басовская, Н.И.* Англия и Франция в международной жизни Западной Европы XII–XV вв. / Н.И. Басовская // Средние века. — 1988. — Вып. 51. — С. 5–22.
3. *Виллар, Ж.* Формирование французской нации / Ж. Виллар, К. Виллар; пер. с фр. О.В. Волкова; ред. А.З. Манфреда. — М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1957.
4. *Грин, В.* Безумные короли. Личная травма и судьба народов / В. Грин. — Ростов н/Д: Феникс, 1997.
5. *Дюби, Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / Ж. Дюби; пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. — М.: Междунар. отношения, 2000.
6. *Лесны, И.* О недугах сильных мира сего (Властелины мира глазами невролога) / С. Лесны; пер. с чеш. Н.Я. Купцовой. — Прага: Графит, 1990.
7. *Люблинская, А.Д.* Жанна д'Арк / А.Д. Люблинская // Средние века. — 1966. — Вып. 22. — С. 180–192.
8. *Люблинская, А.Д.* Столетняя война и народные восстания XIV–XV веков / А.Д. Люблинская // История Франции: в 3 т. / редкол.: А.З. Манфреда (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1972. — Т. 1. — Гл. 3. — С. 115–150.
9. *Себенцова, М.М.* Из жизни Парижа времен Столетней войны / М.М. Себенцова. — М.: Учпедгиз, 1962.
10. *Сьюард, Д.* Генрих V / Д. Сьюард; пер. с англ. Т.Н. Замиловой, под общ. ред. И.П. Щерова. — Смоленск: Русич, 1996.
11. *Хачатурян, Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. / Н.А. Хачатурян. — М.: Высш. шк., 1989.
12. *Хейзинга, Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга; пер. с голланд. Д.В. Сильвестрова. — М.: Наука, 1988.
13. *Цатурова, С.К.* Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века / С.К. Цатурова. — М.: Логос, 2002.
14. *Chroniques d'Engerrand de Monstrelet // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France, avec notices biographique par L.A. Buchon.* — Paris, 1836.
15. *Desonay, F.* Les Ducs de Bourgogne / F. Desonay. — Liege: Les petites etudes de Belgique, 1939.
16. *Duruy, V.* Histoire du Moyen Age depuis la chute de l'empire d'occident jusqu'au milieu du XVe siecle / V. Duruy. — Paris: Hachette. 1902.
17. *Les Grands traites de la Guerre de Cent Ans, poublies par E. Cosneau.* — Paris: Alphonse Picard, 1889.
18. *Memoires de Pierre de Fenin, escuyer et panetier de Carles VI, roi de France, contenant l'histoire de ce prince, depuis l'an 1407 jusques a l'an 1422 // Collection complete des memoires*

relatifs a l'histoire de France. — Ser. 3; Depuis le regne de Philippe–Auguste jusqu'au commencement du 17 siecle. — Paris: Foucault, 1825. — Т. 7.

19. *Memoires du Sr de Saint-Remy* // Collection des chroniques nationales francaise. Chroniques d'Enguerrand de Monstrelet, nouvelle edition, entierement et eclairissement, par J.A. Buchon. T. VIII. — Paris: Verdier libraire, 1826.

20. *Michelet, J.* Histoire de France / J. Michelet. — Paris: Ed. Joules Rouff & Cie, [S.d.]. — Т. 1.

21. *Miquel, P.* Histoire de la France / P. Miquel. — Paris: Fayard, 1998.

22. *Petit-Dutaillis, Ch.* Charles VII, Louis XI et les premieres annees de Charles VIII (1422–1498) / Ch. Petit-Dutaillis // Histoire de France; sous la red. de E. Lavissee : en 8 t. — Paris: Hachette, 1902. — Т. 4. — Livre 2.

23. *Vanderkindere, L.* Le Siecle des Artevelde. Etudes sur la civilisation morale et politique de la Flandre et du Brabant / L. Vanderkindere. — Bruxelles: A.-N. Lebeque, 1879.

Статья поступила в редакцию 19.12.2013 г.

Я.С. Яскевич

доктор философских наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ИННОВАЦИОННО–ЦЕННОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

В статье выявляется специфика инновационной модели экономики и управления в контексте идеалов рациональности и открытой коммуникации. Обосновывается тезис о необходимости ценностного поворота в принятии управленческих решений. Показывается, что на смену одномерной модели менеджмента постепенно приходит модель управления на основе ценностей.

In article specifics of innovative model of economy and management in a context of ideals of rationality and open communication comes to light. The thesis about need of valuable turn for adoption of administrative decisions locates. Is shown that the management model gradually comes to change of one-dimensional model of management on the basis of values.

Введение

Динамика современной науки, ее радикальный поворот к инновационным стратегиям сопровождается переходом научно-исследовательского поиска от предметной ориентации к открытой проблемной направленности. На передний план науки, политики, образования выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской и практической деятельности. Организация таких подходов во многом зависит от определения приоритетных направлений, финансирования, подготовки кадров, их управленческой культуры.

Такая интенция современной культуры, несомненно, обусловлена трансформацией глобальной мировой экономики, ее переходом к VI технологическому укладу, необходимым компонентом которого является инновационное развитие всех сфер жизнедеятельности национальных государств — экономики, политики, управления. Становление инновационной системы является одной из характерных тенденций динамики и национальной экономики Республики Беларусь, ибо магистральный путь развития национальной экономики — новые знания и технологии [1,